

Церковь Спаса с больничными кельями Толгского монастыря

С.С. Попадюк

Одним из чудес иконы Богоматери Толгской было исцеление Ивана IV от болезни ног (1553 г.). В память об этом исцелении молодой государь прислал в дар Толгскому монастырю икону Спаса Нерукотворного. По-видимому, к этому времени и относится появление в монастыре Спасской церкви, которая, таким образом, семантически связывалась с главной монастырской святыней и, очевидно, с самого начала выполняла функции больничной церкви.

В первой трети XVIII в. деревянная церковь была заменена каменной с примыкающим к ней каменным же двухэтажным корпусом больничных келий. Сильно вытянутый в плане больничный комплекс занял место в северо-восточном углу монастырской территории, в одном ряду с собором и Крестовоздвиженской трапезной церковью, на максимально возможном отдалении от них.

Сведений о его постройке не сохранилось; основанием для датировки служат архитектурные формы сооружения, ярко представляющие стиль “московского барокко”. Изображение “церкви Нерукотворенного Образа болнишной” на гравюре Ростовцева 1731 г.¹ вводит довольно поздний “верхний” предел датировки, хотя не исключено, что освящение церковного антиминса в 1739 г.² указывает и на время освящения самой церкви (поскольку трудно допустить, чтобы так скоро потребовалось освящение нового антиминса), - в этом случае мы видим на гравюре только что выстроенное, но еще не отделанное и не функционирующее здание. Отметим однако, что все немногочисленные существующие аналоги оригинального решения венчающей части Спасской церкви сосредоточены в узком временном промежутке 1700-х - 1710-х гг. Это пятиглавые и многоглавые венчания широких восьмериков Троицкого собора в Верхотурье (1703-1709 гг.), церкви Благовещения в Вязьме (1715 г.), церкви Благовещения в Пучеже (1717 г.) и церкви Воскресения в Кинешме (1717 г.). В том же промежутке сосредоточены сходные решения венчающей части деревянных церквей³. Аналогии позволяют уточнить время строительства больничного комплекса. Можно предположить, что это строительство было произведено в 1710-х гг., и тогда же комплекс начал функционировать с открытым в трапезной Спасской церкви приделом Лазаря Четверодневного; отделка же и оборудование самой Спасской церкви затянулись до конца 1730-х гг. Дальнейшая история использования и перестроек комплекса отчасти оправдывает такое предположение.

В описании монастыря 1781 г. Спасская церковь фигурирует как отдельная, самостоятельная по отношению к больничным кельям, и “при ней больничная церковь праведного Лазаря”⁴. В 1793 г. Лазаревский придел был упразднен, а в 1798 г. иждивением графа А.И. Остермана возобновлен с переименованием его в честь Димитрия Ростовского⁵. За период между 1762 и 1814 гг. под полом церкви и трапезной были произведены четыре захоронения: ярославского и вологодского генерал-губернатора А.П. Мельгунова, его жены Н.И. Мельгуновой, директора межевого департамента сенатора П.А. Обрекова и героя войны 1812 г. генерала Н.А. Тучкова⁶. В 1806-1822 гг. помещения больничного корпуса были заняты переведенной в монастырь ярославской семинарией, а затем духовным училищем. С целью нового приспособления здания в 1811 г. был разработан проект его перестройки, частично, по-видимому, тогда же осуществленный⁷. В описании к фиксационным чертежам отмечено, кстати, что “над больничными братскими кельями находится весь верхний этаж неотстроенным: накатов и полов нет, также и лесниц в сной”; очевидно, такое положение сохранялось со времени постройки корпуса. В 1839 г. по распоряжению архиепископа Авраама ненужный верхний этаж был разобран, а железная крыша, устроенная над корпусом в 1790 г., “осажена” на нижний этаж.

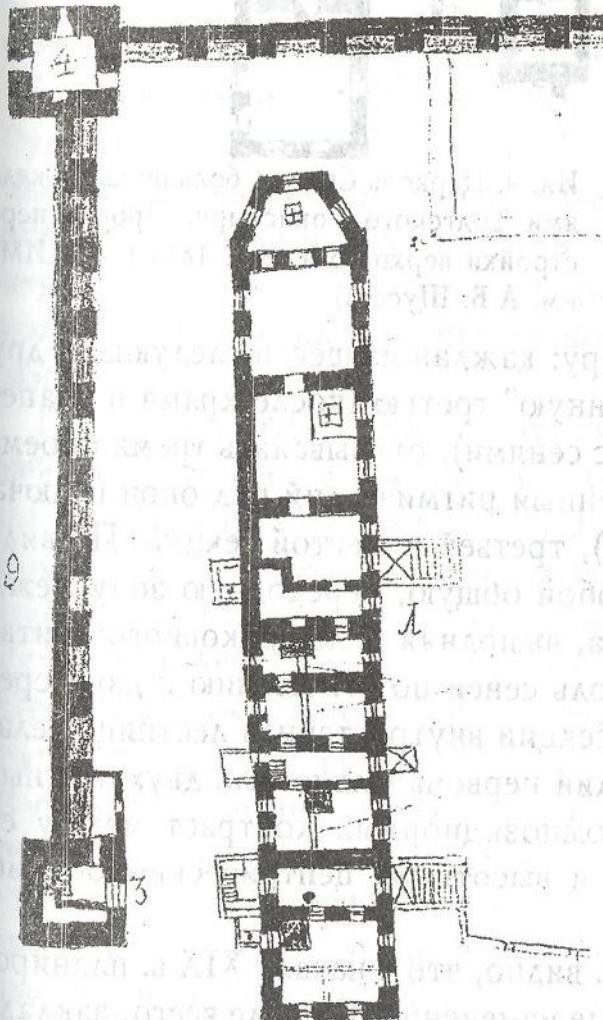
После того, как больничный корпус от Комиссии духовных училищ вновь перешел в распоряжение монастыря (по указу Ярославской духовной консистории от 31 июля 1836 г.), его прежнее назначение не возобновлялось. Монастырские описи ничего не говорят о его использовании. В середине XIX в. иеромонах Вениамин, автор “Церковно-исторического описания Толгского монастыря”, называет его просто “нежилым” и считает нужным отметить наличие дверного проема, соединяющего бывшие больничные кельи с церковью⁸, что свидетельствует о давнем, по крайней мере с начала XIX в., самостоятельном функционировании церкви с ее трапезной и приделом, никак не связанными с использованием корпуса. Только в последних десятилетиях XIX в. предпринимается новая серия переделок, в частности, к южному фасаду корпуса пристраивается каменное крыльцо в “русском стиле”, после чего корпус получает наименование “трапезного”⁹.

Как видим, основные функциональные звенья комплекса - Спасская церковь и корпус больничных келий - на протяжении длительных периодов действуют независимо друг от друга, причем использование келий постоянно имеет характер какой-то неопределенности. Складывается впечатление, что монастырь просто не нуждается в этих помещениях (возможно, после сокращения штатов в 1764 г.); во всяком случае, больница, размещенная позднее в бывшем корпусе настоятельских келий, занимала значительно меньшую площадь. Отсюда - стремление расширить Спасскую церковь за счет больничных келий и полностью изолировать их друг от друга, как это видно по чертежам 1811 г. Можно сказать, что только после переборудования бывших больничных келий в “братскую трапезу” комплекс

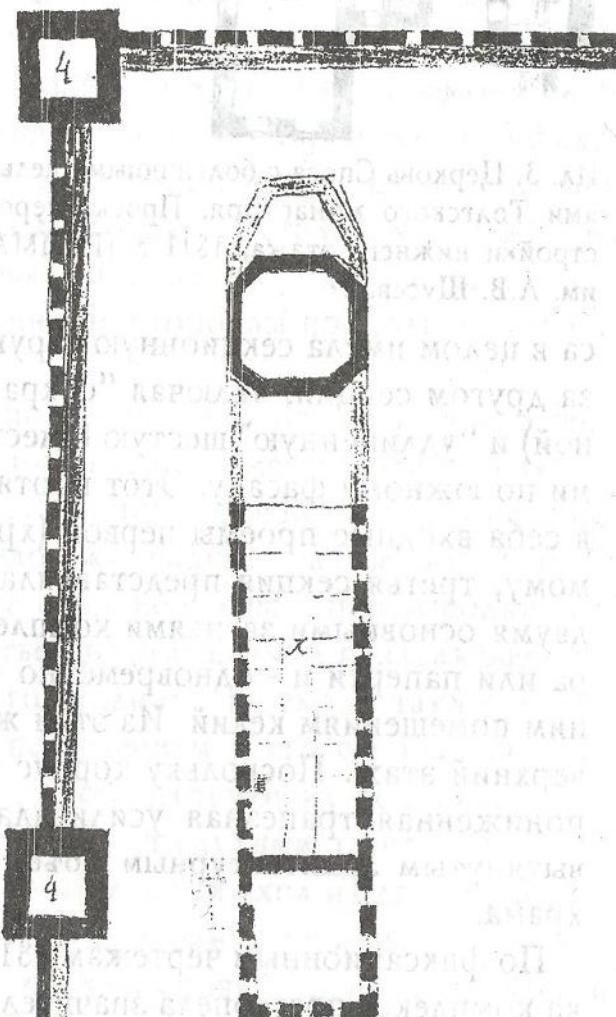
стал функционировать как единое целое.

Спасская церковь принадлежит к типу храмов "восьмерик на четверике", с глубокой пятигранной алтарной апсидой и прикомпонованной "кораблем" квадратной трапезной. Диагональные грани широкого приземистого восьмерика опираются на двухступенчатые конические тромпы. Лотковый купол несет глухой малый восьмерик, над которым возвышается круглая главка на стройном восьмигранном барабане. Многоярусное венчание, типичное для русской архитектуры конца XVII - начала XVIII в., дополняется восемью боковыми главками, воздвигнутыми вокруг малого восьмерика над люкарнами купола, - это своеобразное решение подчеркивает центричность архитектурного объема церкви.

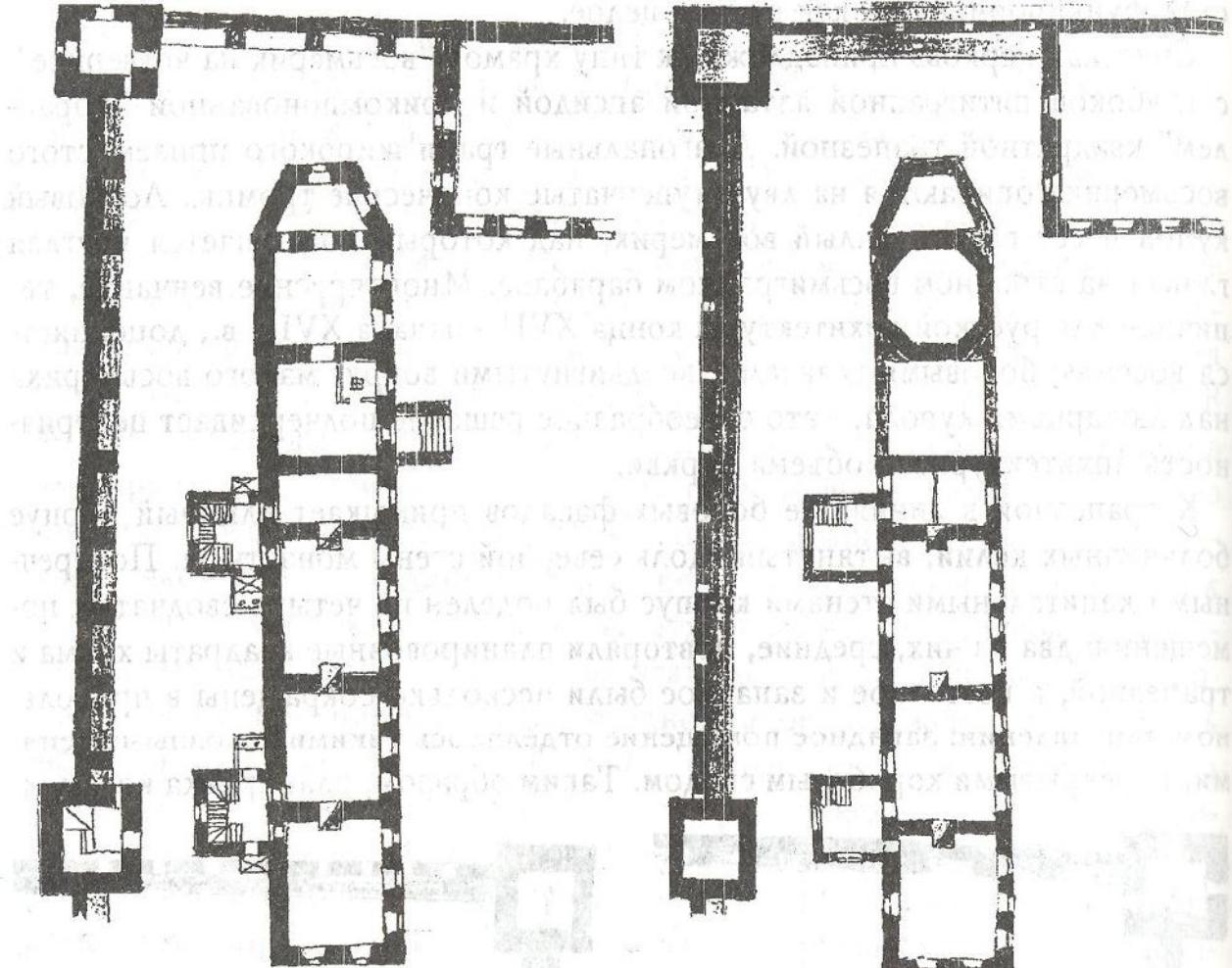
К трапезной в линиях ее боковых фасадов примыкает длинный корпус больничных келий, вытянутый вдоль северной стены монастыря. Поперечными капитальными стенами корпус был поделен на четыре сводчатых помещения: два из них, средние, повторяли планировочные квадраты храма и трапезной, а восточное и западное были несколько сокращены в продольном направлении; западное помещение отделялось узкими сквозными сенями, перекрытыми коробовым сводом. Таким образом, планировка комплекс-

Ил. 1. Церковь Спаса с больничными кельями Толгского монастыря. План нижнего этажа, 1811 г. (ГНИМА им. А.В. Щусева).

Ил. 2. Церковь Спаса с больничными кельями Толгского монастыря. План верхнего этажа, 1811 г. (ГНИМА им. А.В. Щусева).

Ил. 3. Церковь Спаса с больничными кельями Толгского монастыря. Проект перестройки нижнего этажа, 1811 г. (ГНИМА им. А.В. Щусева).

Ил. 4. Церковь Спаса с больничными кельями Толгского монастыря. Проект перестройки верхнего этажа, 1811 г. (ГНИМА им. А.В. Щусева).

са в целом имела секционную структуру; каждая из шести следующих друг за другом секций, включая "сокращенную" третью (после храма и трапезной) и "удлиненную" шестую (вместе с сенями), открывалась тремя проемами по южному фасаду. Этот протяженный ритмический ряд окон включал в себя входные проемы первой (храм), третьей и шестой секций. По-видимому, третья секция представляла собой общую, переходную зону между двумя основными звенями комплекса, выполняя роль церковного притвора или паперти и - одновременно - роль сеней по отношению к двум средним помещениям келий. Из этой же секции внутристенная лестница вела в верхний этаж. Поскольку корпус келий первоначально был двухэтажным, пониженная трапезная усиливала композиционный контраст между его вытянутым архитектурным объемом и высотным, центрическим объемом храма.

По фиксационным чертежам 1811 г. видно, что к началу XIX в. планировка комплекса претерпела значительные изменения. Прежде всего, закладка наружных дверных проемов в храме (по южному и северному фасадам) вызвала изменение в переходной зоне: "сокращенная" третья секция была поделена каменной перегородкой на собственно церковную паперть с на-

Ил. 5. Церковь Спаса с больничными кельями Толгского монастыря. Вид с юго-запада. Фото 1940-х гг. (ГНИМА им. А.В. Щусева).

ружным выходом на южную сторону и небольшую прихожую келий с выходом в пристроенное к северному фасаду ретирадное место. Кроме этой перегородки появились еще две дополнительные поперечные стены, дробящие секционную структуру комплекса. Первая из них поделила четвертую секцию пополам, с закладкой среднего окна по южному фасаду, вторая - выделила в пятой секции ее восточную треть, превращенную в сквозные сени с двумя наружными выходами, пробитыми на месте соответствующих окон по южному и северному фасадам. Перед всеми входными проемами с южной стороны корпуса (из которых только два первоначальных) устроены деревянные крыльца, не показанные на гравюре Ростовцева.

Насколько можно судить по чертежам 1811 г., помещения келий соединялись между собой двумя рядами дверных проемов (это не подтверждается натурными обследованиями, установившими только один - осевой - ряд проемов); лишь

"удлиненная" западная секция, с ее сенями, была изолирована от анфилады. Эта автономность была соблюдена и в верхнем этаже, куда от задней двери сеней вела наружная деревянная лестница; в остальном планировка верхнего этажа была выполнена деревянными перегородками, разделяющими небольшие однооконные помещения по сторонам продольного коридора.

По проекту 1811 г. предполагалось полностью изолировать храм и трапезную от келий с устройством отдельного входа на месте крайнего западного окна трапезной по южному фасаду (восточное окно освещало алтарь придела, а среднее к этому времени было уже, видимо, заложено). В отношении келий предполагалось, убрав все поздние стены и перегородки, укрупнить четвертую секцию за счет третьей перемещением разделяющей их стены к востоку, на ось первоначального входного проема, а также разобрать стену между крайним западным помещением и его сенями. Все это требовало, конечно, разборки сводов в соответствующих секциях. Внутренние поперечные стены намечено было сделать глухими, с встроенными в них печами; каждое помещение получало отдельный вход из двух пристроенных к северному фасаду лестничных клеток; входные проемы по южному фасаду переделывались в окна. Такая же планировка проектировалась и для верхнего этажа. Таким образом, приспособление больничных помещений под учебные должно было повести к усилению секционной структуры за счет анфиладности.

Сейчас трудно установить, в какой степени была осуществлена эта программа. Можно только предполагать, что израсходованные к осени 1814 г. 5000 рублей (из общей сметной суммы 17064 руб. на перестройку корпусов больничных и "Спасских" келий)¹⁰ имели отношение к разборке свода и стены в шестой секции, намеченной разборке других перекрытий и закладке входных проемов по южному фасаду.

В конце XIX в., при приспособлении комплекса под "братскую трапезу", трапезная Спасской церкви разборкой ее западной стены была объединена с "сокращенной" третьей секцией, вследствие чего образовался большой шестиоконный зал, перекрытый коробовым сводом, причем над бывшей папертью этот свод, по-видимому, выкладывался заново, тогда как над трапезной существовал и раньше¹¹. Примыкающая, четвертая секция была превращена в паперть: ее среднее окно было переделано в дверной проем и перед ним возведено каменное крыльцо в виде шатрового балдахина, корреспондирующее своими формами с часовней, выстроенной в 1893 г. с южной стороны от бывшего больничного корпуса. Пятая и шестая секции были приспособлены под служебные помещения "трапезы" - поварню и квасоварню. К этому же времени относится сооружение чердачного фронтона над западным торцевым фасадом корпуса (по-видимому, "осаженная" в 1839 г. крыша до сих пор сохраняла свою первоначальную вальмовую форму, различимую на гравюре Ростовцева) и перелицовка кладки на значительной части этого фасада.

В отличие от пространственно-планировочной структуры, архитектурная организация фасадов комплекса сохранилась без существенных искажений. В соответствии с продольно-растянутой планировкой комплекса и с его расположением на монастырской территории - почти вплотную к северной стене - главная роль отведена открытому в пространство монастыря южному фасаду.

Основным исходным мотивом организации протяженного фасада мотивом, контрастно соотнесенном с вертикализмом венчающей части храма, является ритмика оконных и дверных проемов. Подчеркивая этот ритм, все простенки (за исключением слишком узких простенков "сокращенной" третьей секции) обработаны расчленяющими полуколоннами на пьедесталах, с композитными по своему рисунку белокаменными капителями, по которым раскреповывается профилированный карниз, объединяющий все композиционные составляющие комплекса. Примыкания первоначальных поперечных стен отмечены на фасаде удваиванием полуколонн, несколько вынесенных из стены плоскими и тоже сдвоенными лопatkами; таким образом, исходный ритм не только подчеркивается, но и усложняется накладывающимся поверх него ритмом акцентов, выявляющих вовне секционную структуру сооружения, и, кроме того, получает наполнение в виде сплошной ленты оконных наличников и дверных порталов.

Все проемы обрамлены опоясанными колонками (у наличников - трехчет-

вертными, опирающимися на кронштейны, у порталов - свободными, на пьедесталах), несущими двойной раскрепованный карниз, который служит основанием для полукруглого фронтонса в форме венецианской раковины, охваченной у наличников - волютными завитками, у порталов - профилированным архивольтом. Фронтон и раскреповки увенчаны тремя фиалами. У наличников алтарных окон и окон пятой и шестой секций белокаменные композитные капители заменены капительками упрощенной формы. Колонки порталов, несколько более крупные, чем колонки наличников, выделены каннелированием фуста, колонки церковного портала выше опояски порезаны спиралью. Наличие этого промежуточного регистра колонок, смазывая четкое соотношение между расчленением и обрамлением, еще больше усложняет ритмическое решение фасада. Благодаря же исходному моменту аритмии (неравенство секций между собой, нерегулярное расположение дверных проемов и т.д.), организующий ритм приобретает живой, пульсирующий характер, вследствие чего "привнесенная" (и окрашенная, как выяснилось в ходе натурного обследования) форма прочно "срастается" с побеленной по обмазке стеной. Надо думать, что так же был организован и второй, утраченный ярус келий.

Пристроенное в конце XIX в. крыльцо, воспроизводящее формы русской архитектуры XVII в., с его ширинками по пилонам и двойными висячими арками, нарушающее единство фасада и стилистически ему чужеродное, является в то же время важным композиционным дополнением, устанавливающим пространственную связь комплекса через посредство часовни - с центральным ансамблем Введенского собора. Наличники двух окон по торцевому западному фасаду и двойного чердачного окна также относятся к концу XIX в. Среди других фрагментарных утрат и поздних интерполяций следует упомянуть переделку портала третьей секции в оконный наличник с заменой колонок плоским филенчатым обрамлением и раковины - лепным декоративным тондо.

У восточного окончания комплекса простирающееся горизонтальное движение формы сменяется вертикальным движением ярусно-центрического венчания, поднятого над монастырской оградой и, в дополнение к угловой башне, закрепляющего северо-восточный угол всего монастырского ансамбля. Углы невысокого восьмерика акцентированы короткими сдвоенными полуколонками на фигурных кронштейнах, с капителями, обрамление крупных люкарн в следующем ярусе, превращенных в подглавные трибуны, размером и формой повторяют наличники нижнего яруса. Углы малого восьмерика подчеркнуты простыми лопatkами, а украшение гранных барабанов центральной и боковых глав ограничивается зубцовым карнизов и горизонтальными тягами с поребриком и ажурным кирпичным узором. Чем выше, тем проще становится язык архитектуры, тем яснее высвобождающаяся тема. Главка, легко вознесенная над хороводом боковых главок, - редкое, можно сказать, уникальное решение венчающей части Спасской церкви от-

личает эту церковь среди множества типологически родственных памятников.

¹ ГПБ. Отдел астампов. Омск. ф.р. VII, № 1347. Опись № 1.

- ¹ ГПБ. Отдел эстампов. Олсуфьев, VII, № 1347. Один из вариантов гравюры хранится в фондах Ярославского архитектурно-художественного музея-заповедника.

² ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 999. Л. 33 об.

³ Плужников В.И. Соотношение объемных форм в русском культовом зодчестве начала XVIII века // Русское искусство первой четверти XVIII века. М., 1974. С. 95-97, 99, 105.

⁴ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2445. Л. 143.

⁵ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 146. Л. 14 об.

⁶ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 82. Л. 41.

⁷ РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 719. Л. 1-1 об., 5-6, 9, 11.

⁸ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 146. Л. 14-14 об.

⁹ Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. Ярославль, 1908. С. 3.

¹⁰ РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 719. Л. 9.

¹¹ О том, что трапезная изначально была перекрыта не сомкнутым сводом, как остальные помещения комплекса, а коробовым (или коробовым с западным лотком), свидетельствует, в частности, упоминание описи 1802 г. о двух иконах, поставленных одна над другой над аркой, соединяющей трапезную с храмом (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 999. Л. 37).